

Юлий Валерьевич Тай

управляющий партнер Адвокатского бюро «Бартолиус»,
кандидат юридических наук

Сергей Львович Будылин

советник Адвокатского бюро «Бартолиус»

Что написано пером, то исправлено судом. Дело о ректификации договора

Комментарий к решению Апелляционного суда Англии и Уэльса
от 31 июля 2019 года по делу *FSHC Group Holdings Ltd v. Glas Trust
Corporation Ltd (Rev. 1) [2019] EWCA Civ. 1361*

DOI 10.37239/2500-2643-2022-17-8-41-62

В статье обсуждается дело английского Апелляционного суда, разрешившее один из наиболее головоломных вопросов английского договорного права. Вопрос относится к правилам применения доктрины ректификации. Ректификация — это исправление письменного договора, содержащего ошибку, т.е. не соответствующего намерениям сторон при его заключении. Сформулированное судом замысловатое правило на практике несколько усложнило доказывание наличия такой ошибки, а также сузило возможности обжалования решения суда первой инстанции по подобным делам.

Ключевые слова: Англия, ректификация, ошибка, договорное право, добросовестность

Обстоятельства дела были вполне традиционными для споров о ректификации. Стороны заключили договор в письменной форме. Затем одна из сторон заявила, что произошла ошибка: ее исходные намерения были совсем другими, а потому договор надо поправить. Другую же сторону письменный договор вполне устраивал, и она отнюдь не горела желанием его исправлять. Судам предстояло разобраться, насколько буква договора соответствует намерениям сторон¹.

Метод компаративистского исследования весьма популярен в России и широко используется, причем как на практике, так и, разумеется, в научном юридическом мире. Авторы этих строк сами постоянно грешат им, поскольку любопытство и интерес к тому, «как у них там сеют брюкву: с кожурой али нет?» никогда не позволяет остановиться в пределах государственной границы страны. Идея очень проста и логична: зачем изобретать велосипед и открывать Америку, если это уже кто-то сделал до тебя? Действительно, зачем? Но более подробное погружение в изучение подобного метода исследования, а главное, результатов его применения порой показывает, что «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Отечественный опыт последних десяти лет показывает, что далеко не всё, если не сказать еще более категорично, прививается, приживается и используется у нас так же, как в иностранных правовых порядках, а порой настолько искажается в практике правоприменения, что превращается в свою полную противоположность. Всем известно, что аршин у нас совсем не общий, а очень специфический.

Приведем для наглядности несколько ярких и сокрушительных примеров. Лет пятнадцать назад на площадке Юридического института «М-Логос» был проведен круглый стол с участием Е.А. Суханова, А.Г. Карапетова и целого ряда других равнодушных цивилистов с обсуждением того, почему прописанный в ГК РФ институт ответственности акционера (участника, учредителя) за долги банкрота в случае доведения до несостоятельности не работает на практике. Обсудили, поспорили, цивилисты «разбудили Герцена», из искры возгорелось пламя, но потом его было уже не остановить вместе с его разрушающей и безжалостной мощью, и этот исключительный (для случаев злоупотреблений) механизм стал применяться чуть ли не во всех процедурах несостоятельности в нашей стране.

Чуть позже также сначала в доктрине стал обсуждаться вопрос необходимости и возможности прокалывания корпоративной вуали — сначала в одну сторону, затем уже в обе. Ученые, потом практики изучили, поверили, предложили, а судьи поддержали возможность его применения и пошло-поехало. В результате в России прокалывание корпоративной вуали стали применять без всяких ограничений и сдержанности, которая очень присуща тем правовым порядкам, откуда мы его заимствовали.

К следующему институту — это институт эстоппеля, сначала материально-правового, а потом и процессуального — один из авторов сам приложил руку, популя-

¹ FSHC Group Holdings Ltd v. Glas Trust Corporation Ltd (Rev. 1) [2019] EWCA Civ. 1361 (31 July 2019).

ризируя в науке² и продвигая на практике эту идею в судах. Его распространение и применение не так широко, как ранее названных, но еще меньше случаев, когда это к месту. Чаще всего можно говорить о знаменитом отечественном методе «Слышал звон, да не знаю, где он».

С легкой руки Президиума ВАС РФ, а потом уже и законодателя имплементировали институт астрента, который также широко шагает по стране, но совсем не равномерно, очень многие суды отказываются его понимать, применять или делают это так, что он теряет свой смысл и назначение, например астрент в размере 1000 руб.

О том, как наши законодатели творчески переработали английский процессуальный институт *antisuit injunction*, приняв изменения в АПК РФ (ст. 248.1 и 248.2), всем широко известно, скептические оценки его эффективности тоже на слуху, поэтому не требуется здесь об этом подробно писать.

Казалось бы, совсем понятный, логичный принцип толкования договоров *contra proferentem*, также принятый на вооружение сначала Пленумом ВАС РФ, а потом уже и Верховным Судом, на практике часто извращается и применяется вопреки изначальной идее, потому что понятие «сильная сторона» законодательно не урегулировано, а следовательно, суды могут признать ею любую из сторон.

Мы могли бы здесь еще долго приводить подобные примеры, тем более что уже неоднократно приходилось делать дисклеймеры и оговорки в других статьях, посвященных применению норм иностранного права, опасаясь, что неправильное, искаженное или даже противоположное применение может привести «к большим жертвам и разрушениям».

Но в отношении института обязательственного права Великобритании, о котором пойдет речь дальше, такое предупреждение и оговорку надо сделать многократно, причем в такой форме, чтобы никто не смог этого не заметить. Обычно рекламные ролики, где демонстрируются опасные трюки, сопровождаются оговоркой: «Трюки исполняются профессиональными каскадерами, ни в коем случае не пытайтесь повторить!» Даже для британских юристов институт ректификации является не только сложным и проблемным, но и до конца не решенным, а кроме того, таящим в себе слишком большие риски.

Ожидая и предчувствуя нападки на авторов этих строк за непатриотичность и неверие в большие возможности российских юристов, а также великое будущее отечественной юридической науки, упредительно хотим отметить, что мы не только верим, но и на своем месте делаем многое, всё, что в наших силах, чтобы наше право развивалось, причем как в теоретической, так и в практической плоскости. Вместе с тем мы убеждены, что любые неправильные, искаженные попытки применить нормы иностранного права, не понимая ни глубинной сути институтов,

² См.: Тай Ю.В. Правовой институт конклюдентных действий в судебной практике // Проблемы развития частного права. М., 2011. С. 366–406; Он же. О процессуальном эстоппеле с надеждой на лучшее // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. памяти В.С. Ема (к 70-летию со дня рождения). М., 2021. С. 131–156.

ни той инфраструктуры (если угодно, экосистемы), которая требуется для его правильного применения, не только контрпродуктивны и вредны, но и, что еще хуже, дискредитируют данные институты и часто не позволяют на ином историческом этапе (более зрелом) вернуться к его применению, как это уже произошло с третейскими судами, обеспечительными мерами, арбитражными заседателями и многими другими правовыми институтами и механизмами.

Итак, Апелляционный суд Англии и Уэльса наконец разрешил вопрос, который может остаться непонятным для континентального юриста, но который до сих пор считался одним из важнейших открытых вопросов английского договорного права.

Согласно традиционной английской доктрине ректификации суд может внести исправления в письменный договор, если текст документа не соответствует намерениям сторон в результате допущенной при составлении документа ошибки. Животрепещущий вопрос состоял в том, как надо устанавливать намерения сторон — по субъективному принципу (как фактические намерения) или же по объективному (что подумал бы о намерениях сторон гипотетический объективный наблюдатель, следивший за ходом заключения договора).

Ответ, данный Апелляционным судом, двойственный. Если речь идет о простой записи ранее достигнутого соглашения, то для установления условий этого соглашения применяется объективный тест. Если же речь идет лишь о намерениях, не принявших форму окончательного соглашения, применяется субъективный тест³.

Английский банк (*Barclays Bank*), действуя в качестве агента американского инвестиционного фонда (*H/2 Capital Partners*), предоставлял заемное финансирование для реорганизации крупной корпоративной группы (*Four Seasons Health Care Group*), специализирующейся на оказании услуг по уходу за пожилыми людьми. Согласно изначальной договоренности материнская компания группы (*FSHC Group Holdings Limited*) должна была предоставить обеспечение по одному из займов в схеме финансирования (*shareholder loan*).

Реорганизация группы успешно завершилась в 2012 году. Но выплаты по долгосрочным кредитам, полученным для совершения соответствующих сделок, продолжались. В 2016 году юристы материнской компании, просматривая документы по сделке, сделали неожиданное открытие: в файле не хватало вышеупомянутого обеспечения от материнской компании. Судя по всему, в свое время этот договор просто забыли составить. Обнаружив нехватку, обе стороны старательно искали

³ См.: *Rule O. Rectification revisited* by the Court of Appeal // Allen & Overy website. 2019. 22 Oct. URL: <https://www.allenoverly.com/en-gb/global/news-and-insights/publications/rectification-revisited-by-the-court-of-appeal>.

договор в своих файлах, но так и не нашли. «Недостачу» надо было срочно возмещать, в противном случае компания оказалась бы в дефолте по своим обязательствам из сделки, с самыми неприятными для нее последствиями.

И в этот момент произошло странное событие, ставшее впоследствии предметом пристального внимания судов. Вместо того чтобы подписать документ о предоставлении недостающего обеспечения по одному конкретному займу, компания по инициативе своих же юристов подписала некий договор присоединения (*accession deed*), возлагающий на нее гораздо более обременительные обязательства. По сути, согласно этому договору компания предоставляла обеспечение не по одному займу, а вообще по всем долгам в схеме финансирования.

Лишь через некоторое время материнская компания осознала, что она наделала. В результате компания и банк в 2018 году встретились в суде. Компания требовала исправления (*rectification*) условий того самого договора присоединения, уверяя суд, что произошла взаимная ошибка (*common mistake*). По мнению компании, она должна отвечать лишь по одному займу, как и предполагалось изначально. Банк, напротив, призывал суд признать условия договора присоединения обязывающими для компании.

Относительно причин подписания спорного документа мнения сторон разошлись.

По версии компании, произошла чудовищная ошибка. Подписание подобного договора не имело никакого смысла в свете коммерческих отношений сторон. Компания вовсе не собиралась возлагать на себя повышенные обязательства. Их объем потенциально мог достигнуть сотен миллионов фунтов, что создало бы риск полного уничтожения компании.

Столь абсурдный результат никак не мог входить в намерения ни одной из сторон спорного договора.

По версии банка, никакой ошибки не было. Спорный договор присоединения был коротким и недвусмысленным документом, который составили юристы самой компании. Более того, когда компания прислала документ банку, он был уже подписан с ее стороны.

Что касается причин подписания договора компанией, то если бы обеспечение не было предоставлено в сжатые сроки, произошел бы дефолт по договорным обязательствам с весьма серьезными последствиями для всей сделки. А согласование специального договора по предоставлению обеспечения по одному займу могло затянуться. Очевидно, компания сознательно предпочла взять на себя повышенные обязательства, чтобы облегчить прохождение сделки и избежать привлечения внимания кредиторов к возможности дефолта.

Даже если компания в спешке не проанализировала всех рисков подписания договора, это еще не значит, что она не связана этим договором.

Вот в этой коллизии и предстояло разобраться английским судам.

Английские суды очень жестко следят за соблюдением договорной дисциплины. Что написано пером, не вырубишь топором! Такой поговорки, правда, в Англии нет (есть про то, что «перо сильнее меча», но это немного о другом), но, думается, в целом она прекрасно выражает отношение английского порядка к заключенному сторонами договору.

Впрочем, и в английском праве есть ряд инструментов для избежания очевидно абсурдных результатов буквального применения условий договора. Один из таких инструментов — доктрина исправления, или, если использовать кальку с английского, ректификации (*rectification*). Эта доктрина принадлежит к праву справедливости (*equity*), которое, вообще говоря, как раз и предназначено для исправления чрезмерно жестких последствий применения общего права (*common law*) и предполагает значительную степень судейского усмотрения.

Смысл доктрины исправления (ректификации) состоит в том, что суд может изменить условия письменного документа, который в результате ошибки не отражает намерения подписавших его сторон.

Допустим, стороны вели переговоры о продаже «Ленд Ровера», но при печати договора машинистка по ошибке написала «Ленд Крузер», а стороны этого не заметили и подписали договор. Если одна из сторон будет настаивать на буквальном исполнении письменного договора, ошибка может быть исправлена судом по требованию другой стороны. Разумеется, для этого недовольной стороне придется доказать факт наличия ошибки.

В одной из монографий на эту тему, процитированной судьей первой инстанции, смысл доктрины поясняется следующим образом:

«Если положения документа не отражают истинного соглашения между сторонами, документ может быть исправлен таким образом, чтобы привести его в согласие с их общим соглашением или намерениями. Надлежащая функция ректификации — исправление ошибки в том, как письменный документ зафиксировал сделку сторон: идея в том, чтобы сделать эту запись правильной»⁴.

Как видим, что написано пером, иногда может быть исправлено судьей.

Однако рамки применения доктрины ректификации весьма узки. Она лишь исправляет расхождение между словами и намерениями, но не интересуется *последствиями* подписания документа⁵.

⁴ Hodge D. Rectification: The Modern Law and Practice Governing Claims for Rectification for Mistake. 2nd ed. London, 2015. Para [1-02] (цит. по: FSHC Group Holdings Ltd v. Barclays Bank Plc [2018] EWHC 1558 (Ch.) (22 June 2018)).

⁵ См.: Pitt v. Holt [2013] 2 AC 108. Para [131] (by Lord Walker).

Доктрина предназначена вовсе не для того, чтобы освобождать беззаботного участника оборота от последствий неудачной или даже явно несправедливой сделки, коль скоро он намеревался заключить именно эту сделку.

Поскольку суду в споре о ректификации следует установить намерения сторон, вполне допустимыми являются доказательства, относящиеся к *переговорам* сторон по поводу заключения договора⁶. Это одно из отличий спора о ректификации от спора о *толковании* договора (в споре о толковании речь идет только об условиях самого договора).

Последующее поведение сторон также может служить одним из доказательств их намерений при заключении договора⁷.

Спорным моментом считается вопрос о том, надо ли суду устанавливать намерения сторон в объективном или субъективном смысле. Объективный подход означает, что вопрос в том, что объективный наблюдатель, знакомый с процессом заключения договора, подумал бы о намерениях сторон. Согласно субъективному подходу значение имеют субъективные намерения сторон, даже *не высказанные* контрагенту (и, соответственно, недоступные объективному наблюдателю). В таком случае в качестве доказательств может использоваться, например, внутренняя документация стороны договора, а не только ее переписка с контрагентом.

В одном из дел Палаты лордов от 2009 года лорд Хофман (*Lord Hoffmann*) высказался в пользу объективного подхода (подробнее это дело будет обсуждаться далее)⁸.

Правда, лорд Хофман тут же выразил мнение, что и доказательства невысказанных субъективных намерений также могут иметь некоторую доказательственную ценность, если изначально (до подписания документа) консенсус был достигнут устно или конклюдентными действиями⁹. По мнению лорда, в этом случае доказательства того, как сторона понимала условия договора, имеют некоторую ценность для доказывания того, были ли согласованы эти условия, понимаемые в *объективном* смысле. Так или иначе, сам тест, по мнению лорда Хофмана, объективный.

Впрочем, следует отметить, что в упомянутом деле Палаты лордов рассуждения о доктрине ректификации имели статус замечаний между делом (*obiter dicta*): они не сыграли роли в разрешении спора по существу, а потому не имеют формальной прецедентной ценности, хотя и обладают несомненной убедительной силой для нижестоящих судов.

⁶ См.: *Daventry District Council v. Daventry & District Housing Ltd* [2011] EWCA Civ. 1153. Para [198] (by Lord Neuberger).

⁷ См.: *Saga Group Limited and another v. Paul* [2016] EWHC 2344 (Ch.). Para [43] (by HHJ Hodge).

⁸ См.: *Chartbrook v. Persimmon Homes Ltd* [2009] 1 AC 1101. Para [60] (by Lord Hoffman).

⁹ *Ibid.* Para [64]–[65].

Для подтверждения намерений сторон, отличных от зафиксированных в письменном договоре, необходимо представить не просто доказательства, а убедительные доказательства (*cogent/convincing evidence*)¹⁰. Это не означает повышенного стандарта доказывания: он по-прежнему остается обычным гражданско-правовым стандартом «баланс вероятностей» (*balance of the probabilities*). Но, по мнению английских судей, в подобной ситуации необходимы особо веские доказательства, чтобы удовлетворить этому стандарту, поскольку сам по себе письменный договор уже является весьма сильным контрдоказательством¹¹.

И, возможно, самое главное: для применения доктрины ректификации важно, чтобы ошибка была *общей* (*common mistake*). Ошибки лишь одной из сторон недостаточно для освобождения ее от договора.

Судья первой инстанции Карр (*Henry Carr J*) в своем решении по комментируемому спору подробнейшим образом обсудил доктрину ректификации и обстоятельства дела, после чего перешел к разрешению ключевого вопроса: каковы же были намерения сторон (компании и банка) в момент заключения договора?

Для ответа на него судья изучил представленные сторонами доказательства, включая разнообразные документы по сделке, переписку сторон и показания многочисленных свидетелей. В число свидетелей входили: топ-менеджер банка, подписавший спорный договор; юрист фирмы, нанятой банком для помощи в заключении сделки; директор компании, подписавший договор; юристы нанятой компанией фирмы, составившие текст договора; другие руководители и юристы компании.

Представление доказательств проходило в течение пяти дней. Большинство свидетелей были подвергнуты перекрестному допросу.

Например, топ-менеджер банка, подписавший договор, на прямом допросе показал, что сам он текст договора внимательно не читал, полагаясь на юристов, и просто не задумывался о том, не принимает ли на себя компания лишние обязательства. Исходя из этого, адвокаты банка утверждали, что банк не имел намерения ограничить обязательства компании лишь одним договором займа. Однако на перекрестном допросе топ-менеджер признал, что из его телефонных переговоров с директором компании, впоследствии подписавшим договор, явствовало, что контрагент всего лишь намеревался восполнить пробел, т.е. предоставить недостающее обеспечение по одному займу¹².

В результате оценки этих и других доказательств (все доказательства подробно описаны в решении первой инстанции, но мы их здесь не обсуждаем) судья при-

¹⁰ См.: *Thomas Bates & Sons Ltd v. Wyndham's (Lingerie) Ltd* [1981] 1 WLR 505. P. 521F (by Brightman LJ).

¹¹ См.: *Tartsinis v. Navona Management Company* [2015] EWHC 57 (Comm.). § 85 (by Leggatt J).

¹² *FSHC Group Holdings Ltd v. Barclays Bank Plc* [2018] EWHC 1558 (Ch.) (22 June 2018). Para [174]–[177].

шел к однозначному выводу. Он установил как факт, что в момент подписания договора присоединения и представители компании, и представители банка воспринимали сделку исключительно как предоставление недостающего обеспечения по одному из займов, а не как финансирование реорганизации в целом.

Судья устанавливал намерения сторон по объективному критерию, но также выяснил, что и в субъективном смысле намерения у сторон были те же самые.

Исходя из этого, судья признал, что письменный договор присоединения не отражал намерения сторон. С учетом всех обстоятельств дела настаивать на его буквальном исполнении было бы несправедливо (*inequitable*).

Ввиду этого судья удовлетворил требование о ректификации договора, т.е. разрешил спор в пользу компании.

По жалобе банка дело в 2019 году дошло до Апелляционного суда. Решение апелляции, принятое единогласно, занимает около 40 страниц.

Решение от имени тройки судей написал лорд-судья Дж. Легат (*Lord Justice Leggatt*). Помимо прочего, он известен тем, что в одном из своих решений от 2013 года, тогда еще в качестве судьи первой инстанции, высказал крамольную мысль, что «традиционная английская враждебность по отношению к доктрине добросовестности при исполнении договоров... является неуместной»¹³. В 2020 году, т.е. уже после рассмотрения интересующего нас дела, лорд Легат получил назначение в Верховный суд Соединенного Королевства.

Апелляционный суд в Англии разрешает вопросы права, а не факта. Он может отменить решение первой инстанции по вопросу факта лишь при наличии явной ошибки (*plain error*), что бывает крайне редко.

Однако в данном случае апеллант (правопреемник банка) не оспаривал правильность установления фактов судьей первой инстанции Карром. Аргумент апелланта был в другом. Он подчеркивал, что согласно позиции Палаты лордов тест для ректификации чисто объективный. А это значит, по мнению апелланта, что определение намерений сторон, *как их бы понял объективный наблюдатель*, является не вопросом факта, а вопросом права. В том смысле, что он решается не оценкой доказательств, а умозаключениями.

Субъективные намерения сторон — вопрос факта, но мнение воображаемого объективного наблюдателя по поводу этих намерений — это вопрос права. А если так, то апелляционная инстанция вправе сформировать собственное суждение на этот счет, не принимая во внимание мнение судьи первой инстанции.

¹³ Yam Seng Pte Ltd v. International Trade Corp [2013] EWHC 111 (QB). Para [153]. См.: Будылин С. Дело об обманутом дистрибьюторе, или Добросовестность по-английски // Закон.ру. 2015. 2 февр. URL: https://zakon.ru/blog/2015/10/2/delo_ob_obmanutom_distributore_ili_dobrosovestnost_poanglijski.

Похожим образом при *толковании* условий договора также применяется объективный тест (условия имеют то значение, которое им придал бы объективный наблюдатель), и потому апелляционная инстанция считает себя вправе выносить собственное решение по вопросам толкования, не оглядываясь на выводы нижестоящего судьи.

Апеллянт готов согласиться, что в данном деле судья первой инстанции корректно установил все факты, в том числе субъективное намерение сторон предоставить лишь недостающее обеспечение по одному займу. Однако, по словам апеллянта, судья ошибочно заключил, что *объективный наблюдатель* сделает из известных ему фактов вывод о наличии именно такого намерения. Апеллянт полагал, что переписка сторон по поводу заключения договора не дает объективному наблюдателю повод усомниться в том, что стороны имели в виду именно то, что они написали в договоре, — предоставление обеспечения по *всем* долгам.

Представитель компании в ответ высказал мнение, что даже при применении объективного теста спор все равно должен быть решен в пользу компании, как он и был решен в первой инстанции. Но, помимо этого, адвокат сделал еще более смелое утверждение. По его словам, тезис лорда Хофмана неверен, а правильным тестом является субъективный.

Чтобы суд мог признать договор недействующим, стороны договора должны ошибаться по поводу его смысла *на самом деле*, а не в воображении вымышленного объективного наблюдателя. Это означает, что тест должен быть субъективным. А раз так, апелляция не должна пересматривать решение первой инстанции в отсутствие явной ошибки.

Этот смелый ход адвоката компании вынудил апелляционную инстанцию по существу рассмотреть сложный теоретический вопрос о том, какой же именно тест нужно применять для целей ректификации договора.

Лорд Легат не стал спорить с тем, что объективный тест превращает вопрос о намерении сторон из вопроса факта в вопрос права. Однако он напомнил, что тезис лорда Хофмана об объективном характере теста являлся лишь замечанием в сторону. Этот тезис неоднократно критиковался в академической литературе и судебных решениях. В связи с этим вопрос о том, является ли интересующий нас тест объективным или субъективным, нуждается в отдельном обсуждении и разрешении в данном споре.

Прежде всего судья подробно описывает обстоятельства дела, установленные в первой инстанции и более не находящиеся в споре. Мимоходом он довольно нелестно высказывается в адрес представлявшей компанию юридической фирмы, которая готовила договор присоединения:

«Это по меньшей мере удивительно, что адвокаты — и в частности, два партнера фирмы, ответственные за предоставление консультаций и их имплементация

цию, — сделали это без изучения условий соглашений об обеспечении и не заметили, что, присоединившись к соглашениям, материнская компания принимает на себя дополнительные обязательства. Однако, согласно их показаниям, именно это и произошло»¹⁴.

(Партнеры в суде сказали, что во всем виноват младший юрист, который писал договор.)

Затем судья переходит к вопросам права. Как это водится в Англии, соответствующий раздел решения представляет собой своего рода мини-монографию или большую академическую статью, посвященную вопросам ректификации договора. Обсуждение происходит на весьма высоком научном уровне (по словам одного комментатора, видимо, утомленного чтением судебного акта, «судьи завязываются в интеллектуальные узлы»¹⁵).

Судья Легат делает подробный обзор истории вопроса, анализируя английские судебные прецеденты начиная с XVIII века и до наших дней. Он обсуждает идеи, высказанные различными правоведами в статьях и книгах. Судья рассматривает подходы, принятые в других юрисдикциях общего права, высказывает политико-правовые соображения, а также рассматривает вопрос с точки зрения общих соображений справедливости. Наконец, исходя из этого обсуждения, он дает свой ответ на спорный вопрос права.

Не пересказывая судебного акта в деталях, остановимся на ключевых тезисах.

Кейсы судов справедливости, допускающие ректификацию письменного договора, не соответствующего намерениям сторон, впервые были записаны еще в XVI веке (а саму идею ректификации лорд Легат возводит к римскому праву).

Судья цитирует решение от XVIII века, где говорится, что договор, «если он составлен в письменном виде вопреки намерениям сторон, при наличии надлежащих доказательств может быть исправлен»¹⁶.

Как видим, тогдашняя формулировка правила очень простая. Нет сомнений, что суды имели в виду именно реальные намерения сторон, т.е. намерения в субъективном смысле, а не некие гипотетические намерения, доступные объективному наблюдателю.

¹⁴ FSHC Group Holdings Ltd v. Glas Trust Corporation Ltd. Para [40].

¹⁵ *Connal C.* Court of Appeal considers legal basis for contract rectification // Pinsent Masons website. 2019. 16 Aug. URL: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/analysis/court-of-appeal-considers-legal-basis-for-contract-rectification>.

¹⁶ *Henkle v. Royal Exchange Assurance Co.* (1749) 1 Ves S 317, 318 (by Lord Hardwicke LC).

Однако в XIX веке возникла новая идея, согласно которой составленный в письменном виде договор подлежит ректификации, только если он противоречит уже заключенному ранее договору сторон, попыткой оформления которого этот документ является. (Действительно, договор нередко еще до формального подписания документа фактически заключается в устной форме, в предварительной переписке сторон или конклюдентными действиями.)

Именно отсюда произошла теория объективного установления намерения сторон. Ведь по английским правилам при интерпретации уже заключенного договора его положения принимаются в том смысле, в котором их понял бы сторонний объективный наблюдатель.

Судья Легат пересказывает классический кейс от 1953 года, который можно назвать «делом о конских бобах»¹⁷. По выражению судьи в другом деле — на которое судья Легат не забыл сослаться — этот казус «забавлял поколения студентов-юристов»¹⁸.

Египетский покупатель хотел купить у лондонского торговца партию марокканских бобов, которые он обозначил французским словом *feveroles*. Торговец, не знающий французских терминов, спросил у своего поставщика, что такое *feveroles*, и тот ответил, что это «конские бобы» (*horsebeans*). Тогда торговец заказал партию конских бобов (*horsebeans*) у этого поставщика, а тот, в свою очередь, заказал конские бобы (*horsebeans*) у своего алжирского контрагента. Однако, когда купленные бобы дошли до Египта, конечный покупатель заявил, что это вовсе не то, что он заказывал (*feveroles*), а другая, более дешевая разновидность бобов (*feves*). Возмущенный покупатель потребовал от торговца возмещения убытков.

Тогда торговец обратился в суд с иском к своему поставщику, требуя ректификации контракта, а именно добавления после слова *horsebeans* слова *feveroles*. Первая инстанция иск удовлетворила. Но Апелляционный суд разрешил спор в пользу поставщика, указав, что эти две стороны изначально договорились именно о поставке конских бобов (*horsebeans*), т.е. никакой ошибки именно в этом договоре не было. Знаменитый судья лорд Деннинг написал следующее:

«Ректификация касается договоров и документов, а не намерений. Чтобы добиться ректификации, необходимо продемонстрировать, что стороны достигли полного согласия относительно условий договора, но по ошибке записали их неправильно. В связи с этим, чтобы установить условия договора, как и при заключении любого другого договора, не нужно вникать в состояние умов сторон — в их намерения. Необходимо рассматривать их направленные вовне действия (*outward acts*), т.е. что они говорили или писали друг другу, достигая договоренности, а затем сравнить это с документом, который они подписали. Если можно четко определить, в чем заключался их договор и что он

¹⁷ См.: *Frederick E Rose (London) Ltd v. William H Pim Jnr & Co. Ltd* [1953] 2 QB 450.

¹⁸ *Club Cape Schanck Resort Co. Ltd v. Cape Country Club Pty Ltd* (2001) 3 VR 526. Para 5 (by Tadgell JA).

в результате общей ошибки был неправильно записан в документе, то следует провести ректификацию, но ничего меньшего для этого недостаточно»¹⁹.

По-видимому, эта линия дел и стала основой для объективной теории ректификации.

Однако вскоре стало ясно, что подход, требующий для проведения ректификации неперменного существования ранее заключенного договора, слишком узок.

Судья Легат пересказывает дело от 1970 года, которое можно назвать «делом о коварной дочке»²⁰. Дочь договорилась со своим пожилым отцом, что он отдаст ей свой бизнес по аренде автомобилей в обмен на некий пенсион. В разговорах дочери с отцом было согласовано, что дочь будет дополнительно оплачивать коммунальные расходы отца, но в текст письменного договора этот пункт включен не был. Впоследствии дочка оплачивать расходы отказалась и папа подал иск в суд.

Судья счел, что до подписания документа между сторонами технически не существовало договора, но посчитал необходимым провести ректификацию письменного документа, включив в него условие об оплате коммунальных расходов. Апелляционный суд утвердил это решение, отметив, что ранее намерения сторон были подтверждены «направленным вовне выражением» (*outward expression*).

Апелляционный суд отверг тезис лорда Деннинга о необходимости предварительного существования уже заключенного договора, подчеркнув, что он не подтверждается ни другими прецедентными делами, ни формулировками, содержащимися в мнениях других судей в самом «деле о конских бобах».

В 2006 году Палата лордов рассмотрела то самое дело²¹, в котором лорд Хофман высказал тезис об объективном подходе к установлению намерений сторон. Назовем его «делом о дополнительном платеже».

Землевладелец по договору передал участок земли девелоперу для застройки. Оплата по договору определялась формулой, включающей некий дополнительный жилищный платеж (*additional residential payment*), определенный не вполне внятно, в связи с чем впоследствии и возник спор. Землевладелец считал, что дополнительный платеж должен быть около 4 млн фунтов. В то же время девелопер настаивал, что эта сумма ни в какие ворота не лезет, а правильный ответ — 1 млн фунтов.

Судья первой инстанции согласился с землевладельцем в части толкования соответствующего положения договора (сочтя, что он означает 4 млн). Судья

¹⁹ Rose v. Pim, 2 QB 450, 461 (by Lord Denning LJ).

²⁰ Joscelyne v. Nissen [1970] 2 QB 86.

²¹ Chartbrook Ltd v. Persimmon Homes Ltd [2009] UKHL 38.

также отверг требование девелопера о ректификации документа ввиду общей ошибки, установив, что как минимум директора землевладельца понимали текст договора, а равно и предшествующую переписку сторон именно в том смысле, на котором и настаивал землевладелец (4 млн). Апелляционный суд утвердил решение.

Однако Палата лордов разрешила спор в пользу девелопера. Самостоятельно истолковав договор (а толкование в Англии основывается на объективном подходе, т.е. на мнении гипотетического объективного наблюдателя), она пришла к выводу, что с определением дополнительного платежа что-то явно пошло не так, поскольку такая огромная сумма платежа не имела никакого экономического смысла. Предшествующую переписку Палата лордов рассматривать отказалась, что соответствует обычным английским правилам толкования договора. В итоге Палата лордов истолковала договор в том смысле, на котором настаивал девелопер (1 млн), а вопрос о ректификации разрешать не стала.

Вместе с тем лорд Хофман обсудил вопрос ректификации в режиме замечания в сторону. Он согласился, что для ректификации нет нужды в ранее заключенном договоре, но высказался в пользу объективного подхода к установлению намерений сторон. По заключению лорда, объективный наблюдатель, оценив переписку сторон, пришел бы к выводу, что они имели намерение применять формулу таким образом, на котором настаивал девелопер (1 млн). Следовательно, даже если бы в письменном документе было написано что-то другое (4 млн), девелопер все равно имел бы право на ректификацию.

Другие члены Палаты лордов не возражали против объективного подхода к ректификации, но некоторые из них подчеркнули, что этот вопрос они сейчас решать не обязаны.

Впоследствии заявленный лордом Хофманом объективный подход к ректификации неоднократно критиковался в академической литературе и в некоторых судебных актах. Однако к какому-либо определенному выводу ни судьи, ни правоведы до сих пор не смогли прийти.

Судья и правовед Д. Ходж в своем трактате о ректификации писал, что «сегодняшнее состояние права в части ректификации неудовлетворительно»²².

Профессор Э. Бэрроуз при содействии группы академических юристов, судей и адвокатов в 2016 году создал фундаментальный трактат «Свод английского права о договорах»²³, призванный систематизировать и прояснить английское прецедентное договорное право.

²² Hodge D. Op. cit. Para [3-81].

²³ Burrows A. A Restatement of the English Law of Contract Paperback. Oxford, 2016.

После долгих дискуссий авторы трактата не смогли разрешить и предпочли оставить открытыми лишь два вопроса английского договорного права. Первый (подход к незаконности договора, который мы здесь не обсуждаем), по словам судьи Легата, впоследствии был разрешен. Второй же открытый вопрос, согласно авторам Свода, состоял как раз в том, «был ли прав лорд Хофман в своем замечании в сторону в деле *Chartbrook Ltd v. Persimmon Homes Ltd*, рассматривая общее продолжающееся намерение, необходимое для ректификации, как объективное, а не субъективное»²⁴.

Вот этот *самый животрепещущий* для английского договорного права вопрос и взялся разрешить судья Легат в обсуждаемом нами деле.

Судья Легат, помимо прочего, обсуждает решения других юрисдикций общего права по рассматриваемой проблеме.

Выясняется, что в Австралии и Новой Зеландии суды придерживаются простого старинного правила, гласящего, что ректификация договора допускается при несоответствии текста документа фактическим намерениям сторон. Фактические намерения — это намерения в субъективном смысле.

Единственная юрисдикция общего права, выразившая поддержку объективному подходу, — это Гонконг. Эта правовая позиция была выражена в решении Суда высшей инстанции (*Hong Kong Court of Final Appeal*) от 2013 года²⁵.

И кто же написал это решение? Не кто иной, как тот самый лорд Хофман, работавший в то время судьей этого гонконгского суда.

Судья Легат отмечает, что сам лорд Хофман в более позднее время формулировал (хотя и не в судебных актах) более тонкий подход к проблеме. В 2018 году в своей лекции под названием «Ректифицировать ректификацию» (*Rectifying Rectification*) лорд Хофман говорил следующее:

«Есть две формы ректификации, основанные на различных принципах. Первая — ректификация документа, поскольку он не отражает того, о чем стороны согласились. <...> Было ли соглашение — это объективный факт. Это вытекает из морального принципа, что стороны должны держать обещания, данные друг другу; они должны быть связаны тем, что они договорились записать в документ, а не документом, не отражающим этого соглашения. Вторая, более поздняя форма ректификации касается исключительно намерений сторон, их субъективного

²⁴ Ibid. P. xi–xii.

²⁵ См.: *Kowloon Development Finance Ltd v. Pendex Industries Ltd* [2013] HKSFA 35.

состояния умов. Сторона, субъективно знающая, что другая сторона ошибается по поводу условий договора... не может принудить к исполнению этих условий, а ошибающаяся сторона может получить право на ректификацию. <...> Это вытекает из принципа, что лица, ведущие переговоры о заключении договора, должны придерживаться определенных стандартов доброй совести»²⁶.

Тезис насчет доброй совести нуждается в пояснении.

В отличие от нашего континентального регулирования, согласно традиционному английскому подходу стороны не имеют общей обязанности вести переговоры добросовестно. Так, сторона может в любой момент прервать переговоры без объяснения причин. Стороны также не обязаны по общему правилу делиться друг с другом информацией, существенной для заключения договора. Однако обман контрагента, т.е. предоставление ему заведомо ложной информации, разумеется, недопустим²⁷.

Можно заключить, что английские стандарты доброй совести, которые должны соблюдать стороны переговоров о заключении договора, гораздо более расслабленные, чем континентальные.

Английское право признает лишь некоторые исключительные ситуации, когда *нераскрытие* определенной информации также считается недопустимым, т.е. приравнивается к обману. По сути, одну из таких частных ситуаций и описывает лорд Хофман.

Как видим, сам же лорд Хофман в более поздний период сформулировал не чисто объективный, а смешанный объективно-субъективный подход к ректификации, зависящий от конкретной ситуации.

Судья Легат обсуждает политико-правовые соображения в пользу каждого из подходов. По его словам, некоторые авторы возражают против субъективного критерия из-за того, что наличие субъективного намерения на практике доказывать очень трудно, так что ректификация на этом основании будет весьма редкой.

Но, по мнению судьи Легата, это не минус, а плюс. Ректификация и должна быть очень редким исключением, ведь иной подход подорвет возможность коммерсантов полагаться на окончательное письменное соглашение.

Наконец, судья Легат обсуждает вопрос о том, какой из подходов более справедлив. По мнению судьи, несправедливость объективного подхода прекрасно харак-

²⁶ TECBAR Lecture, 21 November 2018, 'Rectifying Rectification'. Цит. по: FSHC Group Holdings Ltd v. Glas Trust Corporation Ltd. Para 140.

²⁷ См.: Будылин С.Л. Существует ли обязанность вести переговоры добросовестно, или Дело о незапертой двери // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 6. С. 36–51.

теризуется хотя бы тем самым «делом о дополнительном платеже», в котором лорд Хофман этот подход сформулировал.

По мысли лорда Хофмана, если бы текст самого договора объективно означал 4 млн (в отношении размера дополнительного платежа), но предшествующая переписка сторон объективно означала бы 1 млн, то письменный документ подлежал бы ректификации (исправлению 4 млн на 1 млн), причем независимо от субъективных намерений сторон. То есть даже если обе стороны так изначально и намеревались написать в договоре 4 млн, всё равно они связаны условием 1 млн.

Однако непонятно, почему, собственно, стороны связаны объективным значением предшествующей переписки, но не объективным значением самого финального договора. Судья Легат пишет по этому поводу следующее:

«Мы не видим в этой ситуации никакой справедливости (*equity*) в том, чтобы рассматривать [землевладельца] как связанного объективным значением переписки, которую ни одна из сторон не рассматривала как обязывающую, а не объективным значением окончательного документа, который обе стороны рассматривали как обязывающий».

Предпочтение неформального объективного консенсуса, выведенного из предшествующей переписки, объективному значению письменного договора отнюдь не выглядит справедливым.

В результате всех этих изысканий лорд Легат отвергает позицию лорда Хофмана, который в «деле о дополнительном платеже» сформулировал объективный подход к ректификации. Лорд Легат приходит к выводу, что для определения намерений сторон для целей ректификации договора следует применять смешанный «объективно-субъективный» тест.

Объективный подход применяется, если анализируемый на предмет ректификации документ представляет собой попытку записи ранее достигнутого соглашения сторон. Тогда содержание этого соглашения устанавливается с точки зрения объективного наблюдателя и в случае расхождения смысла соглашения с конечным документом возможна ректификация документа.

Субъективный подход применяется, если такое соглашение до подписания договора достигнуто не было, но у сторон было определенное намерение по какому-то вопросу, регулируемому договором. В этом случае имеется в виду субъективное намерение обеих сторон, и при расхождении этого общего намерения с конечным документом возможна ректификация документа. Правда, по мнению судьи, и в данной ситуации общее субъективное намерение должно всё же подтверждаться неким направленным вовне выражением согласия:

«Мы считаем, что в соответствии с прецедентами, которые также соответствуют здравым правовым принципам и политико-правовым соображениям, следует при-

знать, что прежде чем письменный договор может быть подвергнут ректификации на основании общей ошибки, необходимо продемонстрировать, что либо (1) документ не отражает ранее заключенного договора, либо (2) в момент заключения договора стороны имели общее намерение в отношении определенного вопроса, которое в результате ошибки не было правильно записано. В последнем случае необходимо продемонстрировать не только то, что каждая сторона договора имела одно и то же фактическое намерение в отношении данного вопроса, но также и то, что имело место «направленное вовне выражение согласия», т.е. что в результате коммуникации между ними стороны понимали, что они обе разделяют это намерение»²⁸.

Возвращаясь к фактам рассматриваемого дела, лорд Легат напоминает, что судья первой инстанции Карр установил как факт, что в момент подписания договора стороны имели общее намерение всего лишь восполнить один недостающий договор, а не возлагать на компанию ответственность за все займы в сделке. Судья Карр признал, что этот результат будет справедлив при применении и объективного, и субъективного подхода. При этом взаимопонимание сторон насчет общих намерений было достигнуто в ходе телефонных переговоров.

Согласно правилу, сформулированному лордом Легатом, в данном случае применим только субъективный подход. Субъективные намерения сторон были установлены как факт в первой инстанции, и апеллант этого факта не оспаривал.

С учетом сказанного исход дела очевиден — апелляционную жалобу следует отклонить.

В качестве постскриптума лорд Легат сообщает о смерти судьи Карра, рассматривавшего дело в первой инстанции, и выражает печаль судей апелляции по этому поводу. «Его решение в этом деле иллюстрирует его ценный вклад в право и управление правосудия», — пишет он.

Первое, что бросается в глаза свежему человеку при чтении этого судебного акта, — насколько грубый ляп допустила знаменитая юридическая фирма при составлении договора обеспечения по поручению компании. Доверив составление столь важного документа младшему юристу, фирма подставила (к счастью, лишь потенциально) своего клиента на сотни миллионов долларов. Остается надеяться, что фирма сумела как-то загладить эту ошибку перед своим клиентом.

С точки зрения здравого смысла исход дела представляется вполне разумным. Кажется очевидным, что неожиданное возложение на одну сторону договора колоссальных дополнительных обязательств, проведенное без серьезных дополнительных переговоров именно по этому вопросу, было не чем иным, как ошибкой, не отражавшей реальных намерений сторон.

²⁸

FSHC Group Holdings Ltd v. Glas Trust Corporation Ltd. Para 176.

Что касается правовой позиции, сформулированной в данном деле, то если опустить все нюансы, можно сказать, что суд несколько уточнил правила применения доктрины ректификации, т.е. исправления письменного договора, не соответствующего исходным намерениям сторон.

Ректификация — один из тонких инструментов английского права, точно применяемых для решения тех задач, которые на континенте решает всеобъемлющая доктрина добросовестности (отсутствующая в английском договорном праве). Доктрина ректификации принадлежит к так называемому праву справедливости (*equity*), которое, как и континентальная концепция добросовестности, имеет моральную подоплеку и предполагает широкую судебную дискрецию. Но степень направленности действия этих инструментов существенно различается: в этом смысле доктрину ректификации можно уподобить скальпелю, а доктрина добросовестности похожа скорее на кувалду. (Любители военного дела могут представить себе снайперскую винтовку с одной стороны и ковровую бомбардировку — с другой.)

Лорд-судья Легат, написавший решение, известен своим благосклонным отношением к континентальному взгляду на добросовестность в договорном праве²⁹. Однако вряд ли можно сказать, что в этом деле он сделал шаг в сторону принятия доктрины добросовестности.

Область применимости английской доктрины ректификации несколько не расширилась, просто условия ее применения были несколько уточнены. При отсутствии ранее заключенного договора сторон на смену объективному тесту определения намерений сторон пришел субъективный. По-видимому, на практике это значит, что доктрина будет применяться даже несколько реже, ведь доказывать субъективные намерения непросто.

Резюмируя, можно сказать, что в этом деле был разрешен вопрос, давно мучивший английских юристов, — вопрос об объективном или субъективном характере ректификации договоров.

Апелляционный суд признал, что для ректификации письменного договора, если он является лишь записью ранее достигнутого соглашения, применяется объективный критерий (как воспримет внешний наблюдатель смысл ранее достигнутого соглашения).

Если же такого соглашения не было, то необходимо продемонстрировать, что общие намерения сторон при подписании договора отличались от того, что было записано в документе. При этом имеются в виду реальные (субъективные) наме-

²⁹ См.: Будылин С. Дело об обманутом дистрибьюторе, или Добросовестность по-английски; Он же. Подразумеваемое условие о добросовестности в английском договоре, или Дело о добродушном шейхе // Закон.ру. 2019. 14 янв. URL: https://zakon.ru/blog/2019/1/14/podrazumevaemoe_uslovie_o_dobrosovestnosti_v_anglijskom_dogovore_ili_delo_o_dobrodushnom_shejhe.

рения сторон, а не фиктивные объективные намерения, считаваемые воображаемым внешним наблюдателем. Впрочем, эти субъективные намерения стороны должны как-то выразить друг другу.

По-видимому, главное практическое значение этой позиции состоит в том, что в случае применения субъективного теста доказывать намерения сторон станет сложнее.

Кроме того, вопрос о субъективном намерении считается вопросом факта, а об объективном — вопросом права. Соответственно, при применении субъективного подхода вопрос о намерениях сторон не подлежит пересмотру в апелляции, за исключением лишь редких случаев явной ошибки. При применении же объективного подхода вопрос о намерениях сторон может свободно пересматриваться в апелляционной инстанции, которая вправе заявить собственное мнение по поводу того, что подумал бы объективный наблюдатель.

«Гора родила мышь» — скажет, быть может, кто-то из читателей. Стоило ли прилагать столь титанические интеллектуальные усилия для решения столь ничтожной проблемы? Какая разница, устанавливает судья намерения сторон договора по объективному или субъективному принципу? Да пусть хоть как-нибудь установит!

Российской судебной практике проблема мучительного выбора между объективной и субъективной ректификацией неизвестна. Большинству российских юристов придется долго вникать в смысл английских терминов, чтобы понять, в чем вообще был вопрос, не говоря уже о том, в чем состоит ответ. Зачем все это нужно?

Быть может, корень непонимания в том, что английское частное право, в отличие от российского, непрерывно и последовательно развивается уже много сотен лет. Как физика по мере своего развития переходит к все более и более точным измерениям и предсказаниям, так и право по мере своего развития исследует все более и более тонкие вопросы, которые предшествующим поколениям юристов просто в голову не приходили.

Для английского договорного права на его сегодняшней стадии развития именно вопрос об объективном или субъективном характере ректификации стал одним из важнейших. А по мнению профессора Бэрроуза и его коллег — единственной открытой проблемой договорного права.

Смелую попытку разрешить эту проблему предпринял лорд-судья Легат, написавший решение Апелляционного суда. На обозримую перспективу его ответ и стал нормой английского права. Конечно, ее может при желании изменить Верховный суд, но пока до него дойдет подходящий кейс, могут пройти десятилетия. И, кстати, сегодня лорд Легат, получив повышение, сам заседает в Верховном суде.

Что касается России, нам бы очень не хотелось, чтобы термин «ректификация» был введен в российский гражданский оборот прямо сейчас, поскольку такой нюансированной, глубокой, детальной доктринальной проработки этого вопроса в отечественной практике нет и, что намного более важно, вряд ли российское правосудие готово к столь детальному и скрупулезному изучению истинной воли сторон, несовпадения воли и волеизъявления, а механизмы отечественного доказательственного права вряд ли позволят достичь правды в значительном количестве дел. Так же как разумный родитель не станет кормить грудного ребенка стойком, законодатель не должен конструировать (заимствовать) правовые институты, которые не смогут правильно и в соответствии с их назначением применяться правопорядком. В связи с этим полагаем, что институт ректификации в настоящий период развития отечественного права не должен вводиться и использоваться, поскольку, подобно открытию ящика Пандоры, принесет за собой больше проблем и злоупотреблений, чем пользы и восстановления справедливости. И многие «дельцы от права», узнав о ректификации, зададутся вопросом: «А что, так было можно?! Написать в тексте договора одно, а потом в суде добиться изменения в текст в соответствии с изменившимся желаниями?» Очень надеюсь, что такого не произойдет.

What is Written in Pen Is Corrected by the Court. Contract Rectification Case

Commentary on the Judgment of the Court of Appeal for England and Wales of 31 July 2019 in *FSHC Group Holdings Ltd v. Glas Trust Corporation Ltd* (Rev. 1) [2019] EWCA Civ. 1361

The article discusses an English Court of Appeal case that resolved one of the most puzzling issues in English contract law. The issue relates to the rules of application of the doctrine of rectification. Rectification is the correction of a written contract which contains an error, i. e. which does not correspond to the intentions of the parties when entering into it. In practice, the convoluted rule formulated by the court made it somewhat more difficult to prove the existence of such an error and also narrowed the possibilities of appealing against the decision of the court of first instance in such cases.

Keywords: England, rectification, error, contract law, good faith

Yuliy Tay

Managing Partner at the *Bartolius* Law Office, Candidate of Legal Sciences (e-mail: tay@bartolius.com).

Sergey Budylin

Legal Advisor at the *Bartolius* Law Office (e-mail: sergey.budylin@gmail.com).

References

Budylin S. The Case of the Deceived Distributor, or Integrity in English [*Delo ob obmanutom distrib'yutore, ili Dobrosovestnost' po-angliyski*]. Available at: https://zakon.ru/blog/2015/10/2/delo_ob_obmanutom_distribyutore_ili_dobrosovestnost_poangliyski (Accessed 14 July 2022).

- Budylin S.* The Implied Condition of Good Faith in an English Contract, or The Case of the Good-Natured Sheikh [*Podozrevaemoe uslovie o nedobrosovestnosti v angliiskom dogovore, ili Delo o dobrodushnom sheikhe*]. Available at: https://zakon.ru/blog/2019/1/14/podrazumevaemoe_uslovie_o_dobrosovestnosti_v_angliiskom_dogovore_ili_delo_o_dobrodushnom_shejhe (Accessed 14 July 2022).
- Budylin S.L.* Is There a Duty to Negotiate in Good Faith, or The Case about Unlocked Door [*Suschestvuet li obyazannost' vesti peregovory dobrosovestno, ili Delo o nezapertoi dveri*]. The Herald of Economic Justice of the Russian Federation [*Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*]. 2018. No. 6. P. 36–51.
- Burrows A.* A Restatement of the English Law of Contract Paperback. Oxford, OUP, 2016. 308 p.
- Connal C.* Court of Appeal Considers Legal Basis for Contract Rectification. Available at: <https://www.pinsentmasons.com/out-law/analysis/court-of-appeal-considers-legal-basis-for-contract-rectification> (Accessed 14 July 2022).
- Hodge D.* Rectification: The Modern Law and Practice Governing Claims for Rectification for Mistake. 2nd ed. London, Sweet & Maxwell, 2015. 720 p.
- Rule O.* Rectification Revisited by the Court of Appeal. Available at: <https://www.allenoverly.com/en-gb/global/news-and-insights/publications/rectification-revisited-by-the-court-of-appeal> (Accessed 14 July 2022).
- Tay Yu.V.* The Legal Institute of Conclusory Acts in Jurisprudence [*Pravovoi institut konklyudentnykh deistviy v sudebnoi praktike*], in: Problems of Private Law Development: Collection of Articles [*Problemy razvitiya chastnogo prava: sb. st.*]. Moscow, Statut, 2011. P. 366–406.
- Tay Yu.V.* On Procedural Estoppel with Hope for the Best [*O protsessualnom estoppele s nadezhdoi na luchshee*], in: Problems of Modern Civil Law: A Collection of Articles in Memory of V.S. Yem (on 70th Anniversary of His Birth) [*Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sb. st. pamyati V.S. Ema 9k 70-letiyu so dnya rozhdeniya*]. Moscow, Statut, 2021. P. 131–156.